

Николай ТИМЧЕНКО

Сосновоборск

Родился в 1950 году. До 1971 года жил в Курагинском районе. После службы в армии и окончания Красноярского пединститута работал в Кежемском районе учителем общеобразовательных школ, школы рабочей молодёжи и школы для осуждённых. В настоящее время пенсионер. Имеет изданные поэтические сборники и книги прозы. В 2014 году стал лауреатом конкурса имени И. Рождественского в поэтической номинации «Я себя не мыслю без Сибири». Член Союза российских писателей.

ОТШЕЛЬНИКИ

Глава из романа «Загадочное давным-давно»

Продолжение. Начало в «НЕЛ» № 1 – 2/2023

С трудом справляясь с волнением, нахлынувшим от воспоминаний, бабушка продолжила повествование о событиях, о которых дети не могли знать, а её взрослые соплеменники успели забыть:

— Сук углубился больше чем на косточку пальца, когда появился дымок. Но до этого доходило и у мужчин, поэтому обе женщины, находящиеся в пещере, не сразу обратили на него внимание. Других взрослых дома не было. Ранней весной охота особенно неудачна. За добычей ушли и женщины. Дымок густел, вынося из ямки запах гари. Я крикнула детворе, чтобы ближе поднесли мох и собирали все сухие веточки и травинки, которые распинали разочаровавшиеся и озлобленные прежние добытчики огня. Увидев суету детей, на меня обратили внимание и те две женщины, которые шили новую обувь.

Бабушка умолкла. Даже воспоминания обратили её в пот, словно она не рассказывала, а снова добывала огонь.

Видя нетерпение слушателей, продолжила:

— Но я изнемогала. Пот заливал глаза уже тогда, когда из ямки появился слабенький дымок. Одна из женщин воодушевилась невиданным ранее успехом, приблизилась к

ямке. Не ощутив лицом влагу в дымке, она сменила меня. С новыми силами она вращала сук быстрее, чем я. Когда вращать устала и она, снова подключилась я. Мой дым, а не дымок, как когда-то у мужчин, наполнял пещеру едким запахом тлеющего гриба. Я вынула сук и увидела на дне ямки красноватое свечение. Казалось, что туда завалился уголёк. Опустив щепоть мха, мы вдвоём стали дуть в ямку. И растопка вспыхнула. Я добавила мха ещё и ещё. Пламя вышло из ямки. В ход пошла трава. Теперь уже втроём мы аккуратно, чтобы огонёк не умер, стали подкладывать стебельки травы и мелкие сухие веточки. Огонь набирал силу, но он родился в глубине пещеры. Надо было перенести его на полагающееся для племенного очага место — к выходу из пещеры. Оставив меня у огня, соплеменницы сделали приготовления из травы и мелких веток там, около стены у выхода. Потом они же бесстрашно подхватили палочками нагоревшие ветки и поднесли к своей заготовке.

— Получилось, получилось! Ты молодец, бабушка Хлут! — не дождавшись продолжения рассказа, загорланили местные ребяташки.

— А тогда детвора то приплясывала около догорающих веток, оставшихся от моего детища, то перебегала к набирающему силу очагу племени и плясала там. Когда пришли охотники, мы со старшими детьми заготавливали дрова для возрождённого огня племени. В жилище ещё оставалось по-прежнему холодно, но у костра можно было греться. Стало возможным не только обжаривать свежее, но оттаивать и жарить то мясо, которое сразу не съели, а оно замёрзло. Все радовались, что больше не придётся есть мёрзлую строганину.

— С трудом верится, что и так можно добывать огонь! — выразил изумление Зоуло.

Хоть было и так понятно, что огонь горит в пещере благодаря ей, Хлут, от похвал и приятных воспоминаний вошедшая в кураж, она продолжала рассказывать:

— Через два дня стены и свод нашего жилища покрылись снегом. Холод не хотел уходить из пещеры, но постепенно

снег стал таять, а на его месте появилась сырость. Прошло немало времени, пока всё просохло, а жилище стало такое, каким ему полагается быть, если в нём живут люди. Сейчас, кажется, все уже забыли, что именно я спасла племя от вымирания в холоде. Только Куро, наверное, из уважения, прислушивается к сказанному мной. А тогда, обнаружив полыхающий костёр, охотники побросали трофеи и прибежали к месту сбора дров. Выяснив, что основная заслуга в добыче огня принадлежит мне, мужчины и женщины качали меня своими руками, уставшими на охоте и от переноски добычи.

— Тогда тебя перестали презирать? — спросил кто-то из местной детворы. — А что было потом?

— Потом было всякое. Из мальчишек, дошедших с нами до этого жилища, остались только Слос и Чуф. Хромоногим Чуф стал позже, где-то в вашем возрасте. Он упал с дерева, когда на него, пытающегося достать из дупла медовые соты, набросились пчёлы. Ещё двое мальчишек примерно его возраста погибли в их первую охотничью зиму. На охоте погибла и красавица Сия. С ней ещё раньше произошло несчастье. Причастен к нему здоровяк Кочей. Когда-нибудь я расскажу вам и об этом. Несчастья не покидают наше племя до сей поры. Многие дети либо вообще не рождаются, покидая чрево матери ещё до видимого увеличения её живота, либо умирают младенцами. До пяти зим доживает один из пяти родившихся. Случается, что рождаются уродцы, которые стали бы обузой для племени. От них избавляются.

Зоуло сразу вспомнил Пнихо. От него тоже могли избавиться, если бы не запрет вождя. И он никакая не обуза племени. Не представлял тогда мальчишка, какими могут быть врождённые увечья. Потому-то мысленно осудил жителей этой пещеры. А пещерники тогда не могли знать, что причиной бед, преследующих их потомство, могут быть близкородственные браки. Если, конечно, интимные отношения мужчин и женщин можно было назвать браками.

Путешественники успели приметить, что у этих плывс нет длительных отношений между разнополыми

существами. Смена партнёров и партнёрш была обычным явлением, чем-то в порядке вещей. И это никем не осуждалось и не пресекалось. Только в начале пребывания на этой стоянке гостям было непонятно, почему здешние дети не знают своих отцов. Отношения взрослых, не скрывааемые от своих и чужих детей, вскоре дали разгадку непонятного. Тех детей, которые рождались, здесь считали родственниками только бабушка, тётки и дяди по материнской линии, то есть мать, сёстры и братья мамы конкретного ребёнка. Все они считали кровной сестру, рождённую их матерью. Кровными им были и дети сестры. Сонх поинтересовалась:

— Если здесь родство признаётся только по материнской линии, то почему, как и у нас, здесь главнее мужчина?

С задумчивым видом пожилая женщина пояснила:

— Как знать, может быть, что когда-то женщина и была вождём племени. Была, наверное, пора матриархата. Но мужчина сильнее. Он и взял управление соплеменниками на себя. Нам, женщинам, осталась роль продолжательниц рода-племени. Да не всё теперь гладко с продолжением. Не в том ли причина, что мы отгородились от мира людей? Кажется мне, что одна женщина из чужого племени, а тем более один мужчина могли бы оздоровить ситуацию с рождающимися детьми. Но здесь кражи девушек из других племён стали невозможны из-за нашей скрытности и удалённости. Совсем невероятным стало и пленение раненого воина другого племени. Эх! Вымрем мы от своей самоизоляции.

— Неужто вымрете? — сочувственно переспросил Вынх.

— Этого знать никто не может. Всё в нашем мире подвластно времени. Только оно решает, быть или не быть, жить или не жить, — ответила Хлут.

— Ты сказала — матриархат. Может, тогда женщин ценили даже больше, чем в нашем племени? — предположила Сонх.

Продолжение следует